

## Стена

Смотрю из зимнего окна,  
Ищу свиданья лет минувших,  
А там возводится стена  
Из наших чувств, давно уснувших.

Молчит стена, а в ней сполна  
Тревог, событий самых разных...  
Всю ночь возводится стена  
Из слов и помыслов напрасных.

Зачем стена? Зачем она  
Ворочается в окнах белых?  
Зачем возводится стена  
Среди деревьев индевелых?

Моя в ней оторопь видна,  
Твоя придуманность величья.  
...И долго ходит у окна  
Свинцовый холод безразличья.

\* \* \*

Нельзя на свете — быть забытым,  
Никчёмным быть никак нельзя.  
Меня хотят увидеть битым  
Враги, завистники-друзья.

А я стараюсь цветомыслить,  
И свет, и цвет от жизни брать!  
Меня нельзя из глаз отчислить,  
Нельзя из памяти убрать.

\* \* \*

Ты лиловая, ты фиолетовая,  
На тебе фиолетовый цвет...  
Ты из космоса, страсти, из лета ли,  
Из земных фиолетовых лет.

Плыл над миром пожар фиолетовый  
В фиолетовом море чудес.

Помню лето бормочущим лепетом  
Прорывалось сквозь сумрачный лес.

Я навеки душой унаследовал  
Посвист лета и трель соловья...  
Заклубился и стал фиолетовым  
Среди тёмных столбов бытия.

## Петух

Так вот он — царь мой деревенский,  
Взлетевший на престол зари,  
Блюститель времени вселенский  
С часами точными внутри.

Оранжевый, зелёно-синий,  
Кричащий нам: «Вставать пора!»

Встающий ночью над Россией,  
Поющий в пять часов утра,

Несущий, как корону, гребень...  
Ты, царствующий во дворе  
И пребывающий на небе,  
Совсем забыл о топоре.

## Мясник

В его руках топор тяжёлый,  
Он к туше ласково приник  
И хряснул так, что у монголов  
В степях летучий смерч возник.

Среди гремучего базара  
Топор значение обретал,  
И звук свистящего удара  
До континентов долетал...

Орда проснулась Золотая,  
Залопотала вдалеке,  
В иных веках, не забывая  
О грузном русском мяснике.

Топор вздымался на полсвета,  
На небе пряталась Луна...  
И Вашингтону мнилось: это  
Летит ракета «Сатана»!

\* \* \*

Я видел снег. Он в небе длился  
Как нескончаемые дни,  
Он распадался и двоился,  
И на земле гасил огни.

И вдоль земли перемещался,  
Мерцал в пристанищах лесных.

Он в небесах не умещался,  
Вращался на путях стальных

Мне слышался небесный ропот,  
Шуршанье ангельское крыл.  
Я слушал снег и этот шёпот  
На свой язык переводил.

## **Прибой**

Ударяется в сердце прибой Достоевский,  
В даях дыбится Лермонтов — дикий прибой,  
И стремительный Пушкин  
выходит на Невский,  
Расшибая дуэлей прибой собой.

Бьётся Тютчев-прибой  
и тревожно, и бурно,  
Блок-прибой рассыпается снежной крупой...  
Разбивает Есенин чугун Петербурга  
И молчит в «Англетере», как стихший прибой.

## **Ганина яма**

*Памяти убиенной  
царской семьи*

Тёмный лес, тёмный бор,  
темень тьмущая  
Потекут, как из сердца печаль.  
Прялка неба, века наши ткущая,  
Опояшет безвременьем даль.

Запоют перепёлки, бекасы ли,  
Закричат журавли в облаках.  
И тесины окажутся ясные  
У Архангела в сильных руках.

Он построит земную хоромину  
Для святых, что явились из ям,  
Где сожгли их, едва захороненных,  
Царских деток, оставленных нам.

К яме Ганиной мчится Заступница,  
Чтоб к спасению не опоздать.  
И земля перед нею расступится,  
И Царя не посмеет предать.

\* \* \*

Я вижу неподвижные деревья,  
Они смогли во сне захолонуть.  
Весь в грёзах лес за спящею деревней,  
Туда ведёт мой заповедный путь.

Слетают с неба хлопьями вороны,  
Немеет дней осенних череда.

Пустеют лица и пусты перроны,  
С пустых небес свисают холода.

Уже цветы упали в день вчерашний,  
Пожухли травы, обмелела даль.  
И сумерки бегут по чёрным пашням,  
Как поздняя осенняя печаль.

Молчит сосна, молчит осина,  
У леса — обнажённый вид.  
И за околицей рябина  
Бягряной ягодой кровит.

Но всё ещё восходит ярко  
Сноп поднебесного огня,

И ярко-красная боярка  
Иглой впивается в меня.

Спешу за осенью из лета,  
Лечу вперёд или назад.  
Как выстрелы из арбалета —  
За мною ласточки летят.

## Байкал

И развернулся, расточил Байкал  
Свои немислимые воды.  
В нём столько глуби, донных скал,  
И столько ветреной свободы.

В нём кочевали облака,  
Из века в век свой дом искали,  
И застревали на века,  
Чтоб белой пеной стать в Байкале.

Бессмертные роились сны,  
Шли волны, будто бы на дыбу,  
И когти молнии-блесны  
Кромсали тучу, словно рыбу.

И несмотря на битвы гроз,  
В Байкале нежились бакланы,  
И волн целебный купорос  
Залечивал у тучи раны.

Спросонок выйду в молодую осень,  
В ней золота и алости сполна.  
Поёт синица или хлеба просит,  
Подсолнуха ей брошу семена.

Ещё калитка в лето приоткрыта,  
Малиной опадающей манит.  
Дорога к солнцу в небесах прорыта,  
Под ней Байкала синего магнит.

Ещё ничто не предвещает стужу,  
На солнце сушит лапки иван-чай.

И почернел, как будто занедужил,  
Торчащий у заплота молочай.

Ещё в Байкале радуга искрится,  
Когда в затон моторка пробежит.  
В пустом гнезде скукоженная птица  
День уходящий будто сторожит.

Хотя и камень, и земля нагрета,  
Я дров несу и крепкий чай варю...  
В лесу прошла рябина мимо лета  
И на прощанье запеклась в зарю.

## Говорящий камень

Упала ночь у моего порога,  
Не ходит дом и не скрипят полы.  
Звезда глядит в моё окошко строго,  
Высвечивая тёмные углы.

Вон в том углу я обживал разлуки,  
В другом углу я целовал тебя.

Внутри огня сплетались наши руки,  
Друг друга пасть в объятья торопя.

Из дома шла пустынная дорога,  
По ней судьба отмеренная шла.  
По ней пытались мы дойти до Бога,  
Но к камню нас дорога привела.

К нему в ночи мы обратили взоры,  
Он оживал, оглядывая нас,  
Потом сказал:  
— Здесь раньше были горы,  
Теперь один я с вами в этот час.

Вдали вам счастья вечного не будет,  
Берите всё, что ныне вам дано.  
Вы оступились, вас любовь рассудит,  
Ей быть судьёй —  
единственной — дано.

И замолчал. Мы трогали руками  
Его окаменевшее чело.  
Но не сказал нам говорящий камень,  
В немом пространстве — больше ничего.

А дом стоял — забытый и печальный —  
В начале нашем и в конце пути...  
И в нём тоска, как будто на причале,  
Ещё не успевала к нам сойти.

...Дорогу дом отмеривал шагами,  
Которую мы, кажется, прошли.  
Сплотился с домом говорящий камень,  
Где мы соединиться не смогли.

\* \* \*

Мы разные, мы разные, мы разные.  
Мы — серые, мы — белые, мы — красные.  
В Гражданскую мы были рысаками,  
Но только никуда не прискакали.

Война, как Молох века, полыхнула,  
Навстречу нас друг другу развернула.  
Достали мы винтовки и наганы,  
Друг другу стали вечными врагами.

Мы разные, мы — чистые, заразные.  
Мы — белые, зелёные и красные.

Как раньше мы друг друга окрыляли!  
А нынче мы друг друга расстреляли!

Заботливо мы целились друг в друга,  
Чтоб сбиться в центре солнечного круга,  
Мы все убиты, но теперь мы — солнце,  
У каждого на солнце есть оконце,

Откуда мы на грешный мир взираем  
И никогда на солнце не сгораем.  
Здесь нет зелёных, красных нет и белых,  
Замёрзших нет и нет заиндевелых.

В одежде мы не ходим арестантской,  
Мы все убиты на войне Гражданской...  
Себя и вас мы вовсе не забыли,  
Тогда зачем друг друга мы убили?

## Марина Цветаева

«Красною кистью рябина зажглась...»  
Боли и крови — напробуюсь влась.

Выспрошу — Прагу, Париж и Москву,  
Как и зачем я на свете живу?

С первой любовью — застыну в мирах,  
Вызвездит небо — любимого прах.

Страха не видится. Душно — душе,  
Но и она — затвердела уже.

Осень. Елабуга. Злая земля,  
Где лишь — надёжною стала петля.

Море-Марина... Я выбрала мель.  
Здравствуй, могила!  
Прощай, Коктебель!

## В Тарусе

С Цветаевой я встретился в Тарусе,  
Она с цветами мимо дома шла,  
Пришла к реке.

Там пролетали гуси,  
Там Мур летел из дальнего села,

Где пал в бою, снарядом рассечённый,  
И вот на юг летел, не умирал...  
С ним чёрный гусь.

Наверно, Саша Чёрный,  
Который с Муром маленьким играл.

Цветаева рванулась, опоздала  
На небо крикнуть: «Мура береги!»  
Рукой махнула, будто бы взлетала,  
Кольцо упало у неё с руки.

А небо опустевшее синело,  
Бессмертием тянуло от реки...  
Цветаева в тот день окаменела  
На берегу стремительной Оки.

\* \* \*

Рыдает цыганская скрипка  
В байкальской моей стороне.  
Ах, зыбкое время! Как зыбко  
Мне плыть по житейской волне.

Срываться, как будто скрываться  
По тёмным углам бытия.  
Меж мной и тобой разрываться  
И думать: где ты и где я?

Мне так неохота двоиться,  
Свой облик искать вне себя...  
И там, где двойник мой таится,  
Там вдруг обнаружить тебя.

Ах, жизнь, ты такая поганка!  
Весь век заставляешь страдать.

Быть может, поможет цыганка  
Самих нас — в себе разгадать.

Какому такому тирану  
Мы отданы были с тобой?  
...Цыганка сердечную рану  
Нашла и теребит струной.

Скорей погадай нам, цыганка!  
Скорее печаль отними!

Но смотрят тиран и тиранка  
Друг в друга, так посмотримся мы...

...Забрезжит улыбка подранка —  
Твоя ли, моя — в стороне...

Мы ждём, но пропала цыганка  
Русалкой — в байкальской волне.

## Коршун

Вот ласточка. Вот коршун.

Между ними

Волна широких, как земля, небес.

И каждый здесь соседствует с другими,  
Имея свой излюбленный насест.

Ныряет в небо ласточка. И ветер  
Её не может над землёй догнать.  
Но коршун в небе ласточку приметил  
(Он может в небе точку распознать).

А ласточек сегодня изобилье,  
Куда бы лютый коршун ни взглянул.  
Он мощные распахивает крылья,  
И вот он в мягком небе утонул.

Пробив крылом тумана оторочку,  
Он высоту собою измерял,  
И ласточку, как маленькую точку,  
На дальней высоте не потерял.

Там, древнему инстинкту на потребу,  
Всё разгонялось, как смертельный вал.  
И падал коршун, будто камень с неба,  
И ласточек бессильных убивал.

А эта — знойной высоты вкусила,  
Остановилась в призрачном окне  
И понеслась (в ней было столько силы!)  
Ко мне, внизу стоящему... Ко мне!

Я видел: мир тревожно изогнулся —  
И вспыхнул надо мною горячо,  
И замер: дерзкий коршун промахнулся,  
А ласточка мне села на плечо...

\* \* \*

Мне снилась осень в полусвете стёкол,  
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,  
И, как с небес добывший крови сокол,  
Спускалось сердце на руку тебе...

*Борис Пастернак*

Что делать с сердцем? Как его умерить,  
Чтоб не частило, чтоб нашло зазор  
Меж сном и явью. Блок себя проверил,  
Обжѣгшись, бросил сердце с белых гор.

И так всегда. Как больно жить поэтам  
В тисках любви и в зонах нелюбви.  
Жил Пастернак и тьмой, и полусветом,  
Купая сердце в жертвенной крови.

Любовный быт, отчаянный, московский,  
На части рвал поэтовы сердца...  
Разбился, словно поезд, Маяковский,  
С любовью воевавший до конца.



Поэтов путь и вправду не изменен,  
Тоска — она стреляет на излёт...  
Из прошлого вздымается Есенин:  
Во лбу дыра, а в сердце — чёрный лёд.

Цветаева всем сердцем восходила  
К желаниям, не свергнутым собой.  
Не с небесами счёт она сводила,  
А с сердцем, разворванным судьбой.

Стонал Рубцов, а в небе стыла дверца,  
Открытая, как тёмное окно...  
Он вздыбил жизнь и пробуравил сердцем  
Российское незыблемое дно.

\* \* \*

Над розовым морем вставала луна,  
Во льду зеленела бутылка вина...

*Георгий Ива́нов*

А мир неизменен. Смотрю из окна.  
Во льду зеленеет бутылка вина.  
Но только вино до сих пор не раскрыто...  
Серебряный век, твоё сердце разбито.

Георгий Ива́нов, мой друг дорогой,  
Вы жили тогда на планете другой.  
А той, о какой вы в Париже мечтали,  
Не стало давно, да и мы не застали.

Вернуться в Россию уже не дано,  
Хоть рублено было в Европу окно.  
Вы были когда-то великие франты,  
Поэты России, потом эмигранты.

Вы жили тогда на планете другой,  
А нынче её уже нет никакой.  
Нет вашей России, России-планеты,  
И нет эмигрантов, и Родины нету.

Весь мир изменился. Смотрю из окна,  
Где выстрелом сбита бутылка вина...